

У РЕБЁНКА КРИТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ

*Что это: ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
ИЛИ ПЛАТА ЗА НАШУ НЕДАЛЬНОВИДНОСТЬ?*

«Я любил играть, и за это меня наказывали те, кто сами занимались, разумеется, тем же самым. Забавы взрослых называются делом, у детей они тоже дело, но взрослые за них наказывают».

*Августин Блаженный
«Исповедь»*

«Старшие внушают младшим ценностные суждения, не потому что верят в них сами, а потому что «это полезно обществу». Сами они от этих суждений свободны. Их дело – контролировать выполнение правил, а не следовать им».

*Клайв Льюис
«Человек отменяется»*

Когда мы гуляем по лесу, то вряд ли обращаем внимание на то, как выстраиваются отношения между поколениями деревьев. Чаще мы смотрим под ноги, высматривая грибы или ягоды, а вовсе не вверх. Если же посмотрим вверх, то скорее всего увидим густые кроны взрослых деревьев, которые охраняют лесные дебри от проникновения прямых лучей солнечного света.

Молодая поросль в таких местах хилая и мало способна к полноценной самостоятельной жизни. Молодняк кучкуется там, где взрослых поменьше, где больше света: на опушках или по краям редких полян.

Внимательные грибники очень любят такие места: именно там можно найти ред-

СЕРГЕЙ ПЛАХОТНИКОВ,
*директор школьной
психолого-педагогической
службы, учитель
английского языка, Москва*

Порой та или иная ситуация кажется действительно критической. Не оттого ли, что мы, взрослые, не признаём возрастные границы? Не оттого ли, что интересы и чаянья своего теперешнего возраста переносим на детей? Но не беспамятные же мы! У нас ведь есть богатые личные воспоминания, которые могут оградить и нас, и наших детей от кризисов и помочь разным поколениям понять друг друга.

кий благородный гриб. В чащобах же растут всё больше тонконогие опята...

Знакомая сценка

Странным образом складываются отношения поколений в нашей повседневности. Конструктивность уходит из жизни, уступив место взаимным претензиям.

– Ну-ка, попроси у девочки прощения, – говорит молодая мама своему четырёхлетнему сынишке, который, играя в песочнице, вдруг ни с того ни с сего толкнул непоседливую соседку.

Сынишка молчит и смотрит исподлобья.

– Проси прощения! – настаивает мама.

Сынишка сопит и ни за что не соглашается просить прощения...

Заканчивается все это, в лучшем случае, тем, что мама в раздражении вытягивает сына за руку из песка, яростно собирает формочки и уволакивает ревущего дитя к дому.

Сцена знакомая и печальная. Кто-то сокрушённо скажет: мол, критический возраст, в три года дети становятся упрямыми и неуправляемыми, закатывают скандалы на пустом месте и так далее.

Действительно, к четырём годам ребёнок открывает для себя целое поле возможностей. Освоив массу новых движений: по-разному висеть на спортивном комплексе, открывать двери

и крышки, разворачивать конфеты и свёртки, доставать из баночки витамины, спускать в туалете воду, переключать телевизионные каналы и т.д., и обретая тем самым долгожданную самостоятельность, дитя пускается в борьбу за инициативу.

Если раньше проявление активности было связано лишь с конкретным действием, то теперь во власти ребёнка может оказаться целая сложно организованная ситуация. «Есть ли у Вас план, мистер Фикс?» – задаётся вопросом герой детского мультфильма. Так вот, у четырёхлетки план есть всегда. Наличие же плана свидетельствует о его предприимчивости. И ничего, что малыш включает в своё предприятие только других, частенько забывая о себе, безраздельно веря в личную правоту.

Правота же его покоится на подражании взрослому. Хотят мама с папой или нет, но поведение ребёнка определяется в этом возрасте близкими людьми. Иными словами, мир открывается для четырёхлетки в лучшем его проявлении, а именно, со стороны чаемой личной автономии. Поступая, «как надо» или «как принято», ребёнок включается в творческий процесс строительства новых жизненных ситуаций.

Так в чем же кризис? Неужели взрослое «надо» настолько бесчеловечно, что должно находиться в противоречии с детским «хочу»? Неужели необходимое

послушание неминуемо влечёт за собой переживание кризиса?

МАМИНЫ ИНТЕРЕСЫ

Ситуация песочницы имеет ещё одну интересную сторону. Дело в том, что не только сынишка находится в определённом возрасте, но и двадцатипятилетняя мама переполнена не менее актуальными переживаниями. Молодость – пора долгожданной близости, которую человек обретает в семье. Близость же покоится на прочном основании ещё теплящейся любви, не переросшей в привязанность, и на потребности в заботе о другом потерять себя, свою становящуюся индивидуальность.

Молодая мама, лишённая возможности профессионального роста, значительно перерабатывает в домашних условиях. Труд домохозяйки тяжёл за счёт его однообразия и отсутствия коллег по цеху. Наличие же на кухне бабушки, охваченной заботой об упорядочении всего и вся, может только усложнить жизнь молодой мамы. Стариковское «Так не делают» подливает масла в огонь возможного недовольства мамы жизнью и желания уличить молодого супруга в растущем дефиците заботы.

Молодая мама хочет не только признания своей значимости, но и конкретных действий, связанных с этим признанием. Она готова простить мужа за невни-

мательность, но при одном условии – чтобы он повiniлся, *осознал*. В худшем случае ей остается только передвигать мебель и клеить новые обои.

«Попроси прощения», – требует мама. Но что такое *прощение* для четырёхлетнего сынишки?

Старшие подростки, вспоминая, сколько раз им приходилось просить прощения у взрослых, отмечали, что никогда не понимали смысла этого действия. Актуальность же прощения возникла лишь теперь – при переходе в юность. Тогда же, стоя в углу и не переживая свою вину, они решались попросить прощения лишь для того, чтобы избежать наказания. По сути же прощения не получали, поскольку не чувствовали в нём необходимости.

Смысл акта прощения потаён в нашей религиозности. Прощение связано с *упрощением* отношений между людьми, с *превращением* жизни. Раз в году христиане имеют возможность попросить друг у друга прощения в последнее воскресенье перед началом Великого поста. И если для малышей этот акт – лишь игра, перерастающая в баловство, то старшие подростки относятся к нему более осмысленно и серьёзно. Необходимое условие для прощения – это не столько чувство вины и стыда за совершённое, сколько *сокрушение* или *раскаяние*. При этом по-настоящему простить может далеко не всякий – это дар от Бога.

Конфликт поколений

Конфликт поколений становится провокацией со стороны цивилизованного образа жизни, который не учитывает необходимости взаимопроникновения поколений, а лишь размежёвывает их, обозначая границы возрастов для пущей лёгкости потребления. Телепузики – для малышей, пепси – для нового поколения, сериалы – для пенсионеров. Так расставляет акценты цивилизация, провоцируя или борьбу за пульт управления телевизором, или разбредание по разным комнатам.

И действительно, телепузики сделаны настолько профессионально, что интересны лишь тем, для кого созданы. Именно поэтому они снискали столько отрицательных отзывов со стороны старших, которые не находят в персонажах этой детской передачи глубины образов и намёка на подтекст, которые есть, к примеру, в «Винни-Пухе» или «Крокодиле Гене». Телепузики слишком хорошо и добротны *сделаны*. То же можно сказать и про сериалы, и про музыкальный канал MTV. Они хорошо сделаны и подогнаны под практические цели своих создателей и потребителей. Нынче существует дефицит мест, где люди разных поколений могли бы найти общий язык и взаимопонимание.

Когда молодая мама приведёт домой плачущего сына, бабушка всплеснёт руками и прочтёт но-

тацию о том, что ребёнку вредны стрессы, что, мол, в одном журнале она читала... И так будет всякий раз, пока не наступит согласие. Пока старшие не признают право младшего на автономию и не научатся избегать бессмысленного морализаторства, не найдут личных ресурсов для проявления детской инициативы. Пока молодая мама не отыщет своего материнского интереса и не воздержится от переноса взрослых отношений на отношения с ребёнком. Пока более сильное поколение не научится сносить немощи бессильного.

Американский психолог Эрик Эриксон в порыве неизлишней мечтательности отмечал: «Здоровые дети не будут бояться жизни, если окружающие их старики обладают достаточной целостностью, чтобы не бояться смерти». Эта психологическая максима не может стать руководством к действию, поскольку невозможно старика, не обретшего целостность, укоренить в мудрости и бесстрашии перед смертным часом, но возможно признать стариковское право на ворчание, увидев в бабушке или дедушке своё возможное будущее.

Ситуация в песочнице кажется безнадежной и действительно критической. А всё оттого, что не признаются возрастные границы. Интересы и чаянья одного возраста переносятся на другой. Но у нас же есть память, богатые личные вос-

поминания, которые могут обеспечить необходимое взаимодействие поколений.

О пользе воспоминаний

Воспоминания – это важнейший ресурс осуществления семейственности и сохранения прав всех поколений на актуальные возможности.

Рассматривая семейные альбомы, мы приобретаем необходимый опыт принятия младших членов семьи с их чаяниями и открытиями. «Это я», – говорит папа и показывает на маленького мальчика, сидящего на яблоне. Что в этот момент понимает малыш, которому ничего не остаётся, кроме как поверить в невозможное: «Папа был маленьким мальчиком и лазал по деревьям?» Подобное признание сближает. Сближают и возможные подробности, которые папа не побоялся озвучить в присутствии малыша.

«Бабушка мне часто рассказывает о том, как мама была маленькой. Это очень интересно. Мама была такая же, как я», – призналась четырнадцатилетняя девочка, у которой назревал домашний скандал. Но смелости для разрешения конфликта ей придали именно бабушкины воспоминания и открытие того, что мама была совсем такой же, как она сама.

Часто наши дети (да и мы сами) просим старших рассказать нам о нас самих. С чем это

связано? Старшие поколения хранят бесценные знания, связывающие семью общим опытом жизни. И чем реже старики предаются воспоминаниям, тем тоньше нити, связывающие членов семьи. Если в семье преобладает стариковское отчаяние, а у молодых – переживание одиночества и изоляция, если дети несамостоятельны и подавлены чувством вины, то настало время для воспоминаний. Кто-то должен сделать первый шаг.

Кто, как не мы сами, вспоминая своё детство, даём оценку тем или иным своим поступкам. Кто, как не мы, судим о превращениях собственной судьбы, ища опоры в событиях детства. Начиная со слов «А помнишь?», дети выпытывают у своих родителей обстоятельства и подробности тех или иных действий, которые совершили как бы не в этой жизни.

И действительно, кто сегодня будет серьёзно переживать за воровство в шестилетнем возрасте или за ложь в подростковом? Несомненно, эти поступки откладывают отпечаток в памяти, они переходят в ранг детских впечатлений и как-то влияют на наше настоящее, но чувство вины возникает у нас в связи с поступками жизни нынешней. Не случайно царь Давид, обращаясь к Творцу, просит: «Отжени от меня грех юности моя», то есть отдели нынешнюю жизнь от той, в которой жил не я, а другой.

В английском языке есть интересный феномен. Когда мы показываем свои фотографии, принято говорить про себя не я – *I*, а меня – *me*, подчёркивая свою нынешнюю пассивность в отношении к человеку, запечатлённому на снимке.

Рассматривая свои детские фотографии, мы не узнаём себя, мы лишь знаем, что это мы. Тот ребёнок на фотографии слишком сильно отличается от меня нынешнего: у него другое мировоззрение, другие ценности, другая логика, поэтому странно судить о нём и давать ему оценку, исходя из моих нынешних представлений о должном. Мне всё же необходимо сделать поправку на возраст. А если так, если мы находим слова оправдания для самих себя, то почему требуем от своих детей подчинения правилам, которые не соответствуют их возрасту?

Один семнадцатилетний подросток, наркоман с двухлетним

стажем, в течение часа с помощью психотерапевта пытался вспомнить хоть какое-нибудь хорошее событие из своего детства. В конце концов он рассказал о том, как в возрасте пяти лет научился кататься на велосипеде, как мама отпускала его, а папа ловил. Этим ограничились его положительные воспоминания. Все остальные случаи из жизни сложились в цепочку недоразумений. Этот печальный факт оскудения событийной насыщенности жизни может послужить нам предупреждением. С уходом из жизни семьи значительных событий и личных удач уходит ощущение защищённости человека в семье, и жизнь действительно превращается в череду неминуемых критически трудных возрастов.

Я всё же думаю, что кризис – это не объективная реальность, данная нам в ощущениях. Это следствие нашей недалёковидности и нашего беспамятства.

Фото И. Порхомовского